

RU

Выдающийся эпос Древнего мира

Демченко А. И.

Аннотация. В предлагаемой статье при всей её компактности предпринята попытка рассмотреть все основные смысловые аспекты выдающегося творения древневосточной словесности «Сказание о Гильгамеше». Оценивается роль предполагаемого автора, сумевшего творчески суммировать различные мифологические источники, связанные с фигурой легендарного Гильгамеша. Подчёркиваются значимость обрётённого героем поэмы позитивного целеполагания и связанные с этим акты подвижнической миссии, мотивы богоборчества, искания бессмертия. В заключение освещаются характерные особенности эпической поэтики сказания.

EN

An outstanding epic of the Ancient World

A. I. Demchenko

Abstract. Despite its conciseness, the proposed article attempts to consider all the main semantic aspects of an outstanding creation of ancient Eastern literature “The Epic of Gilgamesh”. The role of the presumed author, who managed to creatively summarize various mythological sources associated with the figure of the legendary Gilgamesh, is evaluated. The significance of the positive goal-setting acquired by the poem’s hero and the related acts of ascetic mission, motives of theomachy, and the search for immortality are emphasized. In conclusion, the characteristic features of the epic poetics of the tale are highlighted.

Введение

В современной научной литературе, посвящённой шумеро-аккадскому «Сказанию о Гильгамеше», основное внимание исследователей сосредоточено в основном на текстологическом анализе этого памятника древней эпической словесности (Эпос о Гильгамеше, 2007) или вопросах создания, бытования и адекватного переводческого воспроизведения древнего текста (Иванов, 2000). Помимо опытов познавательного-просветительского плана (Емельянов, 2015), только изредка и обычно лишь частично предпринимались попытки осмысления содержательной проблематики данной поэмы (Гильгамеш, сын Лугальбанды, 2024; Демченко, 2021; Чмеленко, 2023; Honour, Fleming, 2000).

При всей компактности изложения ниже приводится один из возможных вариантов истолкования «экси-стенции» легендарного героя Древней Месопотамии. Осуществлялось это в том числе и в ходе сопоставления различных версий «трансплантации» выдающегося памятника на почву русского языка: от работ строго академического плана, среди которых выделяются принадлежащие И. Дьяконову, в том числе в соавторстве (Эпос о Гильгамеше, 1973; 2005; 2023), до вольных переводов (Аккадское сказание..., 2001; Гильгамеш, 2024) и пересказов (Блистательный Гильгамеш, 1997; Гильгамеш, сын Лугальбанды, 2024).

Обсуждение и результаты

«Сказание о Гильгамеше» фигурирует также в истории литературы под названиями «О всё выдавшем...», «Песнь о Гильгамеше» и «Эпос о Гильгамеше».

Как известно, Гильгамеш (или *Гильгамеш*, что означает *предок-герой*) – историческая личность, правитель города-государства Урук на юге Месопотамии, на берегу Евфрата. Царствовал, вероятно, в конце XXVII – начале XXVI века до н. э. и, по некоторым сведениям, около 2600 года до н. э. сумел объединить под своей властью Шумер. Легендарные очертания фигуры Гильгамеша начинаются с того, что он был не только могучим воином богатырского сложения, превосходил других людей силой и красотой, но, согласно документу под названием «Список царей», правил 126 лет, тогда как его сын царствовал 30 лет, а следующие правители Урука были обычными людьми.

Оказывалось так, что непомерные стремления являлись следствием его божественного происхождения. По преданию, он был сыном урукского царя Лугальбанды и богини Нинсун – правда, нужно учесть, что в Шумере вступление царя в «священный брак» со жрицей приравнялось браку с богиней, которой эта жрица служила. В любом случае, уже в достаточно скором времени происходило обожествление Гильгамеша. В этом качестве его имя встречается в текстах XXVI века до н. э., а с XVIII века до н. э. он упоминается в числе шумерских божеств как судья в загробном мире и защитник людей от демонов.

Тогда же, с середины 3 тысячелетия до н. э., складывались легенды, песни-сказы и сказки о Гильгамеше (их записи на разных языках относятся к XIX–XVIII векам до н. э.). Сохранилось девять таких текстов, в различной мере предваряющих будущий большой эпос. Песнь «Гильгамеш и Агга» примечательна среди них тем, что о войне городов Урук и Киш (их правители – Гильгамеш и Агга) здесь повествуется без элементов сверхчеловеческого и фантастического, хотя главный герой, по словам одного из его воинов, совершенно неординарен: *«Вождь наш – воистину муж! // Чело его грозно, воистину так! // Гнев тура в очах, воистину так!...»* (Гильгамеш и Агга). Песнь «Энкидиана» рассказывает о том, как герой-дикарь Энкиду был приобщён к культуре, что предваряет легенду «Гильгамеш и Гора бессмертных», рисующую поход двух богатырей против хранителя священной горы кедров исполина Хумбабы (Хувавы). О другом подвиге героя вещает поэма «Гильгамеш и ива», где ему удалось изгнать с прекрасного дерева богини Иштар чудовищ, свивших на нём свои гнёзда. И т. д.

Отнюдь не все из этих малых преданий были включены в «Сказание о Гильгамеше» (например, «Гильгамеш и Агга»), из некоторых заимствована только часть (завершающий раздел поэмы «Гильгамеш и ива»), зато в меру необходимости использовались мифологические источники, не имеющие прямого касательства к Гильгамешу («Нисхождение Иштар»). Данный обзор говорит о том, что был проведён целенаправленный отбор нужных сюжетных мотивов и содержательных идей. Таким образом, «Сказание о Гильгамеше» в немалой степени носит суммирующий характер относительно всей месопотамской словесности этого рода.

На основе избиравшегося подобным образом материала постепенно, на протяжении тысячелетий формировался эпос о Гильгамеше, существующий в нескольких версиях. Самая ранняя из них дошла в записи первой четверти второго тысячелетия до н. э. и, предположительно, восходит к последней трети третьего тысячелетия до н. э. Наибольшее хождение получил текст, найденный в Ниневии, самый полный по составу (приблизительно 3000 стихов).

Считается, что ниневийская версия была записана из уст урукского заклинателя Син-лике-уннини (Син-ликиуннинни) (Иллюстрация 1), который жил, по-видимому, в конце второго тысячелетия до н. э. И существует мнение, что в конце VIII века до н. э. она подверглась переработке ассирийским жрецом по имени Набузукун-кену. Таким образом, процесс сложения эпоса о Гильгамеше длился приблизительно от XXIII–XXII веков до н. э. и до этапа VII–VI веков до н. э., от которого до нас дошла запись окончательной редакции на аккадском (вавилоно-ассирийском) языке.

В этом виде сказание предстаёт как чрезвычайно развёрнутое повествование (самый большой по объёму текст месопотамской литературы), где исходные разрозненные шумерские легенды скомпонованы в тщательно продуманное единое целое, связанное глубокой философской идеей. Аналогичным путём позже пойдёт легендарный Гомер, и не случайно эпос о Гильгамеше сравнивают по художественной значимости с «Илиадой» и «Одиссеей».

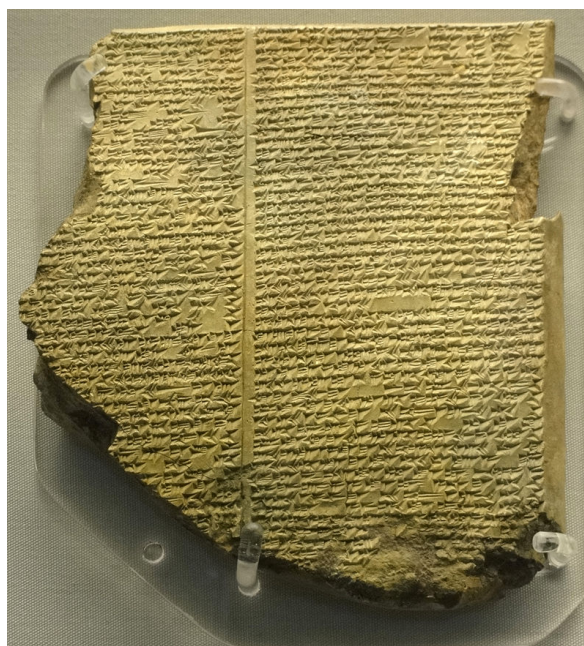


Иллюстрация 1. Глиняная табличка с фрагментом текста «Сказания о Гильгамеше» из библиотеки Ашшурбанипала (Ниневия). Хранится в Британском музее (Лондон)

* * *

Только что отмеченная художественная значимость и философская глубина «Сказания о Гильгамеше» состоят в том, что здесь, как в ни в каком другом памятнике древней словесности, впервые и с исключительной остротой поставлена проблема смысла человеческой жизни. Разработка этой проблемы самым непосредственным образом связана с процессом становления характера главного героя.

Поначалу он, не зная удержу, ведёт, можно сказать, бессмысленное существование: пользуясь положением правителя, предаётся ничем не стесняемому буйству и ведёт настолько распутную жизнь, что город в его женской ипостаси практически превращён в подобие гарема. Этот созданный с участием богов истинный богатырь («образ его тела на вид несравненен», его «оружье в бою не имеет равных») безрассудно растрчивает свою невероятную силу, «днём и ночью буйствует плотью». Будем иметь в виду, что нечто аналогичное касательно исходного этапа эволюции былинного героя встречается и в других древних сказаниях (о грузинском Амирани, армянском Давиде Сасунском, русском Добрыне Никитиче).

Сюжетно перелом в мироотношении Гильгамеша связан с тем, что боги, обеспокоенные жалобами доведённых до отчаяния жителей Урука, создают человека, равного ему по силе и отваге. После поединка могучих богатырей, в котором никто из них не может одержать верх, Гильгамеш и Энкиду становятся побратимами. И далее проводится важнейший для этой поэмы мотив облагораживающего и одухотворяющего воздействия большой человеческой дружбы. Происходит внутреннее перерождение Гильгамеша, и в ответ на душевный стон собрата («Вопли, друг мой, разрывают мне горло: // Без дела сижу, пропадает сила») (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 175) он предлагает ему отныне служить добру. Вместе они совершают множество подвигов, уничтожая чудовищ, представляющих угрозу жизни людей. Главный из подвигов состоял в необходимости добыть лес для строительных работ в родном городе, для чего прежде требовалось одолеть страшного Хумбабу, хранителя священной горы кедров. При этом принципиально важна аргументация, с которой Гильгамеш склоняет Энкиду к данному деянию.

*«Друг мой, далеко есть горы Ливана,
Кедровым те горы покрыты лесом,
Живёт в том лесу свирепый Хумбаба
Давай его вместе уьём мы с тобою,
И всё, что есть злого, изгоним из мира!»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 175-176).

«И всё, что есть злого, изгоним из мира» (в другом переводе – *«Для того, чтобы всё, что есть злого, уничтожить на свете»*) (Аккадское сказание..., 2001, с. 51) – так формулируется подчёркнуто позитивная идея, овладевшая сознанием героя, обретенная им цель служить во благо людей.

* * *

В этом служении друзья-богатыри готовы посягнуть даже на то, что находится в «юрисдикции» богов. Богоборчество Гильгамеша и Энкиду заявляет о себе дважды: вначале в гибели служившего богам Хумбабы, а затем в гибели Небесного Быка, которого на землю послала богиня Иштар, разъярённая отказом Гильгамеша ответить на её призыв любви. В отмщение разгневанные боги обрекают на смерть Энкиду. Именно с этой ситуацией связаны кульминационные моменты в разработке темы несравненной, самоотверженной человеческой дружбы. Первый из них возникает, когда Гильгамеш наконец-то осознал факт того, что Энкиду скончался.

*Тронул он сердце – оно не бьётся.
Закрыв он другу лицо, как невесте,
Сам, как орел, над ним кружит он,
Точно львица, чьи львята – в ловушке,
Мечется грозно взад и вперед он,
Почти обезумев, раздирает власы он,
Словно скверну, срывает одежду.
Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш по стране созывает кличем
Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
«Друг мой, сделаю кумир твой,
Какого никто не делал другу:
Друга рост и облик в нём будет явлен,
Подножье из камня, власы – из лазури,
Лицо – из алебаstra, из золота – тело»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 198-199).

Потрясённый смертью друга, Гильгамеш бежит в пустыню. Его плач, звучащий в ответ на расспросы встречаемых, наполнен сильнейшим драматизмом, за которым стоит и чувство глубокой человеческой привязанности, и отчаяние непоправимой беды. Поэма, звучавшая до этого как гимн дружбе, перерастает в экспрессивнейшую эпитафию, пронизанную болью утраты самого близкого из людей (фраза «идушему дальним путём» обозначает здесь того, кто направляется в страну смерти, готовится стать мертвецом).

*«Как не впасть щекам моим, голове не поникнуть,
 Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
 Тоске в утробу мою не проникнуть,
 Идущему дальним путём мне не быть подобным,
 Жаре и стуже не спалить чело мне,
 Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
 Энкиду, младший мой брат,
 Гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
 С кем мы, встретившись вместе, шли в горы,
 Вместе схвативши, Быка убили,
 В кедровом лесу погубили Хумбабу,
 На перевалах горных львов убивали,
 Энкиду, друг мой, которого так я любил,
 С которым делили труды мы, –
 Его постигла судьба человека!
 Шесть дней, семь ночей я плакал над ним,
 Не предавая могиле, –
 Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?..
 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 Энкиду, друг мой любимый, стал он землёю!»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 209-210).

В этом скорбном излиянии звучит и пронзившая сознание Гильгамеша мысль: *«Так же, как он, и я не лягу ль, // Чтоб не встать во веки веков?»* (или в другом переводе – *«И я не так ли умру, как Энкиду?»*) (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 200). Тоскуя об умершем друге и впервые ощутив свою собственную смертность, он предаётся горестным раздумьям о бренности бытия и смысле жизни. Не желая примириться с неизбежной судьбой всех людей, Гильгамеш в поисках тайны бессмертия отправляется в долгие странствия.

Скитаясь по свету, он отыскивает на краю земли человека, которому дарована бесконечная жизнь, поскольку он единственный спасся во время всемирного потопа. Этот счастливец, сочувствуя Гильгамешу, сообщает ему о цветке вечной молодости. Герою ценой невероятных усилий удаётся добыть спасительное средство, он намерен поделиться им со своим народом, но цветок похищает змея, которая с тех пор периодически сбрасывает кожу и вновь становится юной (как видим, этот специфический феномен природного мира получает здесь этиологическое объяснение).

* * *

Рассказ о потоке и эпизод с похитительницей-змеей введены в эпос, чтобы акцентировать мысль о тщетности поисков вечной жизни. Эта мысль возникала по ходу повествования и прежде. Отвечая на вопрошания Гильгамеша о тайне бессмертия, о конечности человеческого бытия вещала хозяйка богов, мудрая Сидури, чем предвосхищался рецепт естественных благ жизни, который предложит много позже в одной из книг Библии Экклесиаст.

*«Боги, когда создавали человека –
 Смерть они определили ему,
 А вечную жизнь в своих руках удержали.
 И потому, Гильгамеш, насыщай желудок,
 Днём и ночью да будешь ты весел,
 Радуйся тому, что жив и здоров.
 Праздник справляй ежедневно,
 Днём и ночью играй и пляши ты!
 Светлы да будут твои одежды,
 Волосы чисты, водой омывайся,
 Гляди, как дитя твою руку держит,
 Своими объятьями радуй подругу –
 Только в этом и есть удел человека!»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 211).

И сам Гильгамеш задолго до времени поисков бессмертия утверждал: *«Лишь боги с Солнцем пребудут веч-
 но, // А человек – сочтены его годы, // Чтоб он ни делал – всё ветер»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 212). Но уже и тогда он интуитивно нащупывал пути преодоления заведомой бренности человеческих усилий. Один из них – через обретение вящей славы в памяти людской. Так, вознамерившись погубить злого Хумбабу, о грандиозности своего замысла, на который они отважились, друзья-богатыри говорят: *«Некое свершим мы дело, какого в мире досель не бывало»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 182). И Гильгамеш добавляет касательно поставленной цели немаловажную деталь.

*«В кедровом лесу его хочу победить я,
 Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да услышит!»*

*Подниму я руку, нарублю я кедра,
Вечное имя себе создам я!»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 177).

В общем контексте поэмы подобные слова воспринимаются не просто как честолюбивые помыслы, а как ступень к обретению бессмертия, но бессмертия не физического, а символически-духовного. Согласно эпосу о Гильгамеше, такое возможно, если человек совершит нечто, выходящее за пределы привычных измерений. Именно в этом смысле и примечателен финал сказания.

Герой признаёт своё поражение в тщетных поисках вечной жизни. После долгих странствий он возвращается в Урук и находит утешение в ликовании своих сограждан, воздающих ему осанну за совершённые им великие подвиги, и в любовании видом возведённых вокруг города крепостных стен. Ведь когда-то они с Энкиду, убив Хумбабу, добыли кедровый лес для их сооружения и для строительства храма. Так повествование подводит к итоговой мысли: *«Смертен человек, но живут его деяния»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 219). Пройдут тысячелетия, и к такому же выводу о высшем смысле человеческой жизни придёт в своём «Фаусте» Гёте.

Эта итоговая мысль была заповедана в самом начале. Пролог древнего эпоса открывается фразой *«О всё выдавшем...»*. Действительно, предполагается, что речь пойдёт о человеке, который изведаль в земной жизни практически всё. И, конспективно напоминая о важнейших вехах его пути, автор-аноним готовит читателя к восприятию всей последующей цепи трудных поисков смысла жизни.

*О всё выдавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, всё проникавшем,
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принёс нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек... (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 166).*

* * *

В соответствии жанру монументальной эпопеи, «Сказание о Гильгамеше» излагается свободным сказительским стихом. Его эпическая сущность сказывается, в частности, в важной роли снов, предвещающих дальнейшее развитие событий, причём этих снов непременно по три на каждый случай. Как водится в эпической поэзии, поэме свойственно обилие повторов, когда по разным поводам или из разных уст вновь и вновь, зачастую точь-в-точь звучат какие-либо высказывания или характеристики. Так, фактически слово в слово четырежды повторяется приведённый выше знаменитый плач Гильгамеша по Энкиду (свою роль в этом, очевидно, сыграло то обстоятельство, что по силе выраженных чувств это центральный монолог героя).

Специфическим атрибутом древнего эпоса является фантастический гиперболизм (Иллюстрация 2). Великан, охраняющий кедры от людей, обрисован как устрашающий монстр: *«Хумбаба – ураган его голос, // Уста его – пламя, дыханье – смерть!»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 183). Ещё больший ужас наводит Бык, который по наущению богини Иштар спустился с небес, чтобы наказать Гильгамеша за его отказ разделить её любовь.

*Спустился с небес к Евфрату,
В семь глотков его выпил – река иссякла.
От дыханья Быка разверзлась яма –
Сто мужей Урука в неё свалились.
От второго дыханья разверзлась яма –
Двести мужей Урука в неё свалились* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 189).



Иллюстрация 2. Гильгамеш с молодым львом. Рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине. Хранится в Лувре (Париж)

В данной поэме этот гиперболизм своей конечной целью имеет показать небывалую силу Гильгамеша и Энкиду, которым удалось одолеть столь могучих чудовищ.

При всей своей действенно-событийной насыщенности «Сказание о Гильгамеше» не лишено поэтической украшенности, что чаще всего связано с пейзажными зарисовками.

*Видят гóру кедра, жилище богов, престол Ирнини.
Пред горою кедры несут свою пышность,
Тень хороша их, полна отрады,
Поросло там терньем, поросло кустами,
Кедры растут, растут олеандры* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 185).

При возможности и в пейзажные образы привносится столь характерная для поэмы экспрессия. Таковы тирады Гильгамеша, когда он стремится уверить умирающего Энкиду в том, что всё вокруг горюет о нём.

*«Да плачут уступы гор лесистых,
По которым мы с тобою всходили.
Да рыдает пáжить, как мать родная,
Да плачут соком кипарисы и кедры,
Средь которых с тобою мы пробирались,
Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,
Козероги и рыси, львы и туры,
Олени и антилопы, скот и тварь степная,
Да плачет светлый Евфрат,
Где мы черпали воду для меха»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 197-198).

Эта выразительная мощь поэтического слова нацелена на воссоздание героического эпоса во всей его впечатляющей силе. Любимый персонаж множества месопотамских преданий предстаёт как несравненно могучая личность с ярко выраженной индивидуальностью, в некотором роде – сверхчеловек, в чём-то едва ли не равный богам.

Не случайно он многократно вступает в конфликт с небожителями, менее всего опасаясь их гнева и нередко оказываясь победителем в противоборстве с ними. К этому богоборчеству его подталкивает убеждённости в своей правоте и неверие в безусловную справедливость установленного свыше миропорядка. Характерен эпизод сватовства богини Иштар, предлагающей ему всяческие блага, на что Гильгамеш с негодованием бросает ей упрёк в жестокости к своим прежним возлюбленным.

*«Давай перечислю, с кем ты блудила!
Льва ты любила, совершенного силой –
Семью-семь ему вырыла ты ловушек.
И коня ты любила, славного в битве –
Кнут, узду и плетъ ты судила ему.
А ещё ты любила пастуха-козопаса,
Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
Каждый день сосунков тебе резал –
Ты его превратила в волка.
Ишуллану-садовника ты любила,
Что тебе постоянно носил фиников гроздь –
Ты его в паука превратила»* (Эпос о Гильгамеше, 1973, с. 187-188).

Сага о Гильгамеше – настоящий гимн подвигу, силе, отваге. Пафос рисуемой здесь героики состоит и в том, чтобы добиться исключительной славы, благодаря которой есть возможность остаться в памяти людей: «Если паду я – оставлю имя, // Вечное имя себе создам я!».

Столь же истово воспевается здесь человеческая дружба, которая умножает силы человека и облагораживает его. Гильгамеш, встретив в лице Энкиду достойного соперника, проявляет подлинное благородство духа: он протягивает дикарю руку, испытывая чувство радости от того, что нашёл себе ровню. И эта дружба со своим *alter ego* утраивает силы богатырей, позволяя содеять те подвиги, которые Гильгамеш не сумел бы совершить в одиночку.

Большая художественная сила «Сказания о Гильгамеше» состоит и в том, что за увлекательной, чрезвычайно насыщенной приключенческой фабулой скрываются очертания истинно философской поэмы, в которой ставятся извечные вопросы жизни и смерти. Гильгамешу присущ высокий, ищущий разум – не случайно его мать сетовала на богов, что они дали ему «беспокойное сердце». И ход событий сказания приводит мятущегося, дерзающего героя к конечным прозрениям о судьбе человека в мире и о несомненном смысле его жизни, несмотря на всю бренность земного существования.

Заключение

Помимо самоочевидных поэтических достоинств, большая художественная сила «Сказания о Гильгамеше» состоит и в том, что за увлекательной, чрезвычайно насыщенной приключенческой фабулой скрываются

очертания истинно философской поэмы, в которой ставятся извечные вопросы жизни и смерти. Гильгамешу присущ высокий, ищущий разум – не случайно его мать сетовала на богов, что они дали ему «беспокойное сердце». И ход событий сказания приводит мятущегося, дерзающего героя к конечным прозрениям о судьбе человека в мире и о несомненном смысле его жизни, несмотря на всю бренность земного существования.

Всё вышесказанное сделало «Сказание о Гильгамеше» не только вершиной месопотамской литературы, но, пожалуй, и самым значительным созданием доантичной словесности Востока.

Материалы исследования | Research materials

1. Аккадское сказание о Гильгамеше, о всё постигшем / стихотворное переложение С. Липкина. СПб.: Пушкин. фонд, 2001.
2. Блистательный Гильгамеш / пересказ В. Воскобойникова. М.: Терра, 1997.
3. Гильгамеш / пер. Н. Гумилёва. М.: RUGRAM ФТМ, 2024.
4. Гильгамеш и Агга / пер. В. Афанасьевой. <https://wisdomlib.ru/mif/4971>
5. Гильгамеш, сын Лугальбанды / в пересказе А. Иконникова-Галицкого. СПб.: Литературная матрица, 2024.
6. Эпос о Гильгамеше (О всё видавшем) / пер. И. Дьяконова. М.: Художественная литература, 1973.
7. Эпос о Гильгамеше (статьи и фрагменты). СПб.: Наука, 2007.
8. Эпос о Гильгамеше / пер. И. Дьяконова, Р. Нуруллиной. СПб.: Азбука, 2023.
9. Эпос о Гильгамеше: О всё видавшем / пер. Н. Гумилева, И. Дьяконова. М.: Эксмо, 2005.

Источники | References

1. Демченко А. И. Смысловые концепты всемирного художественного наследия. М.: Наука, 2021.
2. Емельянов В. Гильгамеш. Биография легенды. М.: Молодая гвардия, 2015.
3. Иванов Вяч. Вс. Ещё одно рождение Гильгамеша // Иностранная литература. 2000. № 10.
4. Чмеленко Ю. Шумерские мифы. От всемирного потопа и эпоса о Гильгамеше до бога Энки и птицы Анзуд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.
5. Honour H., Fleming J. Weltgeschichte der Kunst. München – L. – N. Y.: Prestel, 2000.

Информация об авторах | Author information



Демченко Александр Иванович¹, д. иск., проф.

¹ Международный Центр комплексных художественных исследований;
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, г. Саратов



Aleksandr Ivanovich Demchenko¹, Dr

¹ International Center of Complex Artistic Research;
Saratov State Conservatory, Saratov

¹ alexdem43@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.07.2025; опубликовано online (published online): 13.08.2025.

Ключевые слова (keywords): Сказание о Гильгамеше; эпос Древнего мира; памятник древневосточной литературы; смысловые аспекты; поэтика; the Epic of Gilgamesh; Ancient World epic; monument of ancient Eastern literature; semantic aspects; poetics.